

Мейсон Карри

Мейсон Карри

Режим гения. Распорядок дня великих людей

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6880042

Режим гения: Распорядок дня великих людей / Мейсон Карри: Альпина

Паблишер; Москва; 2013

ISBN 978-5-9614-3163-6

Аннотация

Как работают творческие люди? Как им удастся построить свой день так, чтобы повседневная рутина стала частью творческого процесса? Когда на задуманное не хватает времени, следует ли пожертвовать всем — сном, приличным доходом, чистотой в доме — или же можно развить способность концентрировать усилия, работать меньше да лучше?

Чтобы ответить на эти вопросы, Мейсон Карри изучил жизнь и распорядок дня 161 выдающегося человека прошлого и настоящего. Герои его исследования — знаменитые писатели, композиторы, художники, балетмейстеры, драматурги, философы, карикатуристы, комики, поэты, скульпторы. Бетховен и Кафка, Жорж Санд и Пикассо, Вуди Аллен и Агата Кристи, Лев Толстой и Чарльз Диккенс, Джон Апдайк и Харуки Мураками... Читатель узнает о том, как знаменитости сочетали быт и

творчество, какому расписанию следовали, как боролись со своими страхами, усталостью и сомнениями, как ели, спали, общались, гуляли, – словом, о всех тех «хитрых ритуалах», которые помогли им стать великими.

Содержание

Прочитав эту книгу, вы:	6
Введение	7
Уистен Хью Оден (1907–1973)	13
Фрэнсис Бэкон (1909–1992)	15
Симона де Бовуар (1908–1986)	17
Томас Вулф (1900–1938)	20
Патрисия Хайсмит (1921–1995)	22
Федерико Феллини (1920–1993)	24
Ингмар Бергман (1918–2007)	25
Мортон Фельдман (1926–1987)	27
Вольфганг Амадей Моцарт (1756–1791)	29
Людвиг ван Бетховен (1770–1827)	31
Серен Кьеркегор (1813–1855)	33
Вольтер (1694–1778)	35
Бенджамин Франклин (1706–1790)	36
Энтони Троллоп (1815–1882)	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мейсон Карри

Режим гения. Распорядок дня великих людей

Руководитель проекта *И. Гусинская*

Корректор *Е. Аксенова*

Компьютерная верстка *М. Поташкин*

Арт-директор *С. Тимонов*

© Mason Currey, 2013

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО
«Альпина Паблишер», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Прочитав эту книгу, вы:

- поймете, как включать «режим гения» и создавать шедевры усилием воли и каждодневным трудом, не дожидаясь мифической музы;
- узнаете, какие хитрости используют известные люди, чтобы сосредоточиться, собрать волю в кулак, сесть за работу, сохранить веру в себя – и достичь тех выдающихся результатов, о которых все будут говорить;
- осознаете, какое место в повседневной жизни должно занимать четкое следование плану, а какое – импровизация.

Кто разгадает суть и суть жизни в искусстве? Кто поймет, как прочно сплелись в ней самообуздание и необузданность?¹

Томас Манн. Смерть в Венеции

¹ Перевод Наталии Манн (Манн Т. Ранние новеллы. – М.: АСТ, Астрель, 2011). – Здесь и далее прим. ред.

Введение

Почти каждое утро в последние полгода я вставал в 5.30, чистил зубы, наливал себе чашку кофе и садился писать о том, как тем же самым занимались великие умы последних четырех столетий. Как им удавалось ежедневно находить время для создания шедевров, какой режим способствовал творчеству и продуктивности? Я старался учесть самые прозаические детали повседневной жизни этих людей – когда они спали, когда ели, когда работали, как у них проявлялся невроз и как они от него защищались, – и таким образом я надеялся увидеть нечто новое в личности и работе гения, набросать занимательный, в подробностях, портрет художника – раба привычки. «Скажите мне, что человек ест, и я скажу, кто он», – сулил французский gastronom Брийя-Саварен². Я же спрашиваю своих героев, в котором часу они едят и ложатся ли вздремнуть после обеда.

Книга эта, разумеется, поверхностная и легкомысленная, в ней исследуются обстоятельства творчества, а не его плоды; процесс, а не суть. При этом в ней неизбежно проявляется индивидуальность самого автора. (Джон Чивер³ уверял,

² Жан Антельм Брийя-Саварен (1755–1826) – французский философ, кулинар, юрист, политик. Автор трактата «Физиология вкуса» (*Physiologie du goût*).

³ Американский писатель, обладатель Пулитцеровской премии за сборник рассказов.

что даже в деловом письме мы хотя бы отчасти раскрываем свою личность – и разве это не так?) Несомненно, у меня была и личная задача, меня интересовали проблемы, которые я пытаюсь решить повседневно: как сочетать творческий труд и необходимость зарабатывать на жизнь? Следует ли полностью посвятить себя своему замыслу или же выделять ему несколько часов в день, зато неукоснительно? Когда на задуманное не хватает времени, следует ли пожертвовать всем – сном, приличным доходом, чистотой в доме – или же можно развить способность концентрировать усилия, делать больше за меньшее время, «работать лучше, а не дольше», как наставляет меня отец? Совместимы ли комфорт и творческая деятельность или справедливо другое: не обеспечив себе необходимый минимум комфорта, человек не сможет изо дня в день творить?

Не думаю, чтобы мне удалось ответить на все эти вопросы – на одни из них ответа вовсе нет, на другие каждый отвечает самостоятельно, найдя собственный, зыбкий и нестабильный, компромисс, – но я попытался рассказать, каким образом подобные проблемы решались талантливыми и успешными людьми. Я хотел продемонстрировать, как великие идеи сказываются на будничной жизни их авторов и, наоборот, как повседневные привычки влияют на творчество.

В названии книги присутствует слово «ритуал» (Daily Rituals), но главным образом подразумевается повседневная *рутина*. Это слово предполагает обыденность и даже авто-

матизм: распорядку, который превратился в рутину, человек следует на автопилоте, без сознательных усилий. И в то же время рутина складывается в результате выбора или целого ряда выборов. В умелых руках режим дня – точно откалиброванный механизм, позволяющий наилучшим образом использовать наши ограниченные ресурсы: прежде всего время, которого нам более всего не хватает, а также силу воли, самодисциплину, оптимизм. Упорядоченный режим – словно колея, по которой в хорошем темпе движутся умственные силы гения, она ограждает его от тирании переменчивых настроений. На эту тему любил рассуждать Уильям Джеймс⁴. Он думал, что каждый *хотел бы, чтобы* некоторые аспекты жизни управлялись автопилотом. Сформировав в себе хорошие привычки, утверждал философ, мы «освободим свой ум, чтобы заняться по-настоящему интересными делами». Ирония судьбы: сам Джеймс отличался хронической медлительностью и нерасторопностью, не мог заставить себя придерживаться жесткого расписания.

На самом деле и эта книга – плод вдохновенного увлечения от работы. Как-то летним воскресным вечером 2007 г. я сидел один в пыльном офисе редакции маленького архитектурного журнала, где работал, и все пытался выжать из себя рассказ, который нужен был к утру понедельника. Вместо того чтобы собраться с духом и разделаться с этой за-

⁴ Американский философ и психолог, один из основателей философии прагматизма.

дачей, я то читал в Интернете новый выпуск *The New York Times*, то наводил идеальный порядок у себя на столе, то бегал на кухню за очередной чашкой кофе – словом, всеми способами растрачивал время. Ситуация до боли знакомая: я «жаворонок», сосредоточиться и продуктивно работать могу только с утра, после обеда от меня проку мало.

Мне хотелось найти себе какое-то оправдание (ну, не глупо ли каждый день подниматься в 5.30, а к середине дня уставать?), и я начал просматривать Интернет, чтобы узнать, как организовывали свой день другие писатели. Вскоре я сообразил, что такого рода информацию неплохо было бы собрать и сделать доступной для всех, так что я сперва завел блог, а потом написал книгу. Блог сложился сам собой: я попросту размещал описания повседневной жизни творческих людей по мере того, как мне удавалось найти эти сведения в биографиях, интервью, некрологах и т. д. Взявшись за книгу, я провел куда более широкое и тщательное исследование, но постарался сохранить то, что изначально привлекло читателей: краткость и разнообразие. Я старался как можно чаще предоставлять персонажам книги возможность говорить самим за себя, для чего цитировал их письма, дневники и интервью. При недостатке такого материала я реконструировал режим дня по вторичным источникам, и когда мне попадалось блестящее описание повседневной жизни моего героя, я предпочитал использовать полные цитаты, вместо того чтобы пересказывать то же самое своими словами.

Составляя эти мини-биографии, я не раз вспоминал фразу Виктора Притчетта⁵ об Эдуарде Гиббоне⁶ из эссе 1941 г. Притчетт отмечает чрезвычайное прилежание великого историка, мол, даже на военной службе Гиббон находил время для научной работы, повторял Горация в походе и вечерами в своей палатке штудировал труды языческих и христианских теологов. «Рано или поздно, – написал Притчетт, – все великие люди делаются одинаковыми: они работают и не могут остановиться. Не теряют ни минуты. Это так угнетает!»

Какому художнику или писателю не приходилось в начале карьеры пережить то же чувство? Достижения великих людей прошлого порой ободряют, но чаще лишают остатков мужества. Однако в своих обобщениях Притчетт не так уж прав. Были вечно бодрые и вечно трудящиеся гении вроде Гиббона, не ведавшие сомнений и отчаяния, что гложут нас, простых смертных, – но были и такие, как Уильям Джеймс и Кафка, – великие умы, напрасно тратившие время в ожидании вдохновения, проходившие через периоды творческой засухи и мучительного писательского ступора, сомнений и неуверенности в себе. Большинство же персонажей моей книги находятся где-то посередине между двумя крайностями – стараются работать ежедневно, однако никогда не бы-

⁵ Английский писатель, мастер «малого» жанра.

⁶ Английский историк (1737–1794), автор «Истории упадка и разрушения Римской империи».

вают вполне довольны результатом и пуще всего боятся распустить, позволить себе праздный денек и прервать плодотворный период.

Всем приходится так или иначе выделять время для работы, но способы, которыми люди организывают свою жизнь, чтобы справляться с работой, бесконечно разнообразны. Этому разнообразию и посвящена моя книга, и я надеюсь, что читателей она ободрит, а не удручит. В процессе работы я частенько вспоминал строку из письма Кафки его возлюбленной Фелиции Бауэр⁷. В 1912 г. замученный и тяжелыми жизненными обстоятельствами, и скучной, мертвящей службой Кафка жаловался: «Времени у меня в обрез, сил мало, работа моя – ужас, а дома донимает шум, вот и приходится выкручиваться путем всевозможных уловок, раз уж хорошей и прямой жизни все равно не получилось»⁸.

Бедный Кафка!

Но если негибкая трудовая этика Гиббона многих может и напугать, то в отчаянии Кафки мы, как ни странно, обретаем утешение: ведь и нам не дано «хорошей и прямой жизни». Большую часть нашего времени занимает скучная, изнурительная работа, и кафкианские «сложные маневры» – это не столько крайняя мера, сколько идеал: как-нибудь все-таки увильнуть.

⁷ Первая невеста Кафки.

⁸ Перевод М. Рудницкого.

Уистен Хью Оден (1907–1973)

9

«Для интеллигентного человека рутина – признак амбиций», – писал Оден в 1958 г. Если так, то Оден отличался редким честолюбием, ибо трудно себе представить более пунктуального человека: пунктуальность была его идеей фикс, и всю жизнь он жил по строжайшему расписанию. «Он постоянно сверяет часы, – отметил человек, побывавший в гостях у Одена. – Еда, выпивка, работа, покупки, разгадывание кроссворда, прибытие почты – все рассчитано по минутам и сопровождается неизменными ритуалами».

Оден верил, что подобного рода казарменная строгость необходима для его творчества, он как бы приучал музу к расписанию. «Современный стоик, – писал он, – знает, что лучший способ обуздать страсть – это обуздать время: определить, что ты хочешь или должен делать в течение дня, и делать это всегда в один и тот же момент каждый день, и тогда страсти не причинят тебе вреда».

Оден вставал в начале седьмого утра, варил кофе и поспешно усаживался работать, лишь несколько минут уделив кроссворду. Лучше всего ему удавалось сосредоточиться с

⁹ Выдающийся англо-американский поэт, в чьей поэзии прослеживаются реалистические традиции и элементы романтической поэтики. Лауреат Пулитцеровской премии.

7.00 до 11.30, и он старался извлечь как можно больше из этих утренних часов. Поэт не уважал «сов» и приговаривал: «Пусть гитлеры¹⁰ трудятся ночами, честный художник этого делать не будет». После обеда Оден обычно возвращался к работе и засиживался до коктейля. Вечер начинался ровно в 18.30, поэт смешивал себе и гостям изрядной крепости коктейль «Водка-мартини». Подавали ужин с большим количеством вина, а после ужина продолжали пить вино и беседовать. Оден ложился довольно рано, никак не позднее 23.00, а с годами еще раньше – около 21.30.

Сохранить энергию и концентрацию поэту помогали амфетамины – он принимал по утрам бензедрин столь же регулярно, как многие люди принимают таблетку мультивитаминов. На ночь он принимал секонал или другое снотворное. Эта рутина – «химическая жизнь», по выражению Одена, – продолжалась на протяжении 20 лет, покуда таблетки не перестали действовать. Оден причислял алкоголь, кофе, табак и амфетамины к «сберегающим труд принадлежностям» своей «интеллектуальной кухни», хотя и признавал, что «приспособления эти очень примитивны, то и дело ломаются и могут поранить самого повара».

¹⁰ Военный адъютант Гитлера по ВВС Николаус фон Белов вспоминал: «Страдая бессонницей, Гитлер работал особенно много по ночам. Он говорил, что тогда у него есть покой для размышлений». (Белов Н., фон. Я был адъютантом Гитлера. 1937–1945. – М.: Русич, 2003.)

Фрэнсис Бэкон (1909–1992)

11

Непривычному человеку показалось бы, что Бэкон живет в хаосе. Во всех его студиях царил страшный беспорядок, он ухитрялся обляпать красками стены, мебель была сломана, пол завален книгами, кисточками, бумагами, каким-то мусором. Художник уверял, что опрятность подавляет его творчество. Однако в перерывах между порывами творчества Бэкон жил в роскоши и даже излишестве, по несколько раз в день сытно ел, пил невероятное количество алкоголя, принимал все мыслимые стимуляторы подряд и вообще гулял больше и засиживался по ночам дольше, чем кто-либо из его современников.

Но при всем том Бэкон оставался человеком привычки, и его расписание практически не менялось год от года. На первом месте всегда было искусство, и хотя художник поздно ложился спать, просыпался он с первым лучом света и работал несколько часов подряд, примерно до полудня. Затем начинался очередной длинный день, а за ним следовал вечер удовольствий. Обычно Бэкон приглашал к себе в студию друга, чтобы распить с ним бутылочку вина, или же он отправлялся в соседний паб, потом в ресторан на обед, а даль-

¹¹ Английский художник-экспрессионист. Прославился после того, как в 1945 г. в одной из лондонских галерей был выставлен его триптих «Распятие».

ше по клубам, от выпивки к выпивке. Ужинал он опять-таки в ресторане, снова обходил клубы, навещался порой в казино, а под утро перекусывал в бистро. Ему еще хватало сил приволочь шатающихся компаньонов к себе домой и выпить с ними на посошок – на что не пойдешь, лишь бы отсрочить встречу с бессонницей. Усыпить себя Бэкон мог только с помощью таблеток, и он пытался расслабиться, перечитывая в постели классические учебники по кулинарии. Спал он в лучшем случае несколько часов, но это не сказывалось на его здоровье. Вся его зарядка сводилась к двум шагам вправо, двум шагам влево перед мольбертом, а представления о правильном питании – к приему чесночных таблеток (здесь он, как и в выпивке, был склонен к большим дозам) и к отказу от яичных желтков, десертов и кофе. Полдюжины бутылки вина и две-три ресторанные трапезы в день шли Бэкону только на пользу. Такой уж у него был метаболизм: алкоголь не туманил мозги, обильная еда не сказывалась на фигуре – во всяком случае до солидного возраста, когда спиртное все-таки начало на него действовать. Более того, изредка случавшееся похмелье Бэкон воспринимал как бонус. «Мне нравится работать с бодуна, – делился он, – потому что мозг так и прыщет энергией и все мысли как никогда отчетливы».

Симона де Бовуар (1908–1986)

12

«Я вечно спешу приняться за дело, хотя день начинаю каждый раз с трудом, – признавалась Симона де Бовуар корреспонденту *Paris Review* в 1965 г. – Сначала я пью чай, а около десяти часов берусь-таки за работу и тружусь до 13.00. Потом я встречаюсь с друзьями, а в пять часов возвращаюсь за письменный стол – до девяти вечера. Мысль не прерывается, я без труда продолжаю во второй половине дня то, что начала в первой».

У Симоны и впрямь не было проблем с работой, у нее были, скорее, противоположные проблемы: раз в году она брала отпуск на два-три месяца и вот тут-то начинала скучать и томиться без привычного дела.

Но хотя работа была у нее на первом месте, немалое влияние на повседневную жизнь оказывали и отношения с Жан-Полем Сартром, начавшиеся в 1929 г. и продолжавшиеся до самой его смерти в 1980-м. Это было интеллектуальное партнерство с довольно своеобразной сексуальной окраской – с самого начала Сартр настоял на том, что каждый из них вправе обзаводиться любовниками, однако должен обо всем

¹² Французская писательница, эссеист, философ, один из идеологов феминистского движения. Наиболее известные ее произведения: «Воспоминания благовоспитанной девицы», «Сила обстоятельств», «Все люди смертны».

докладывать своей «второй половине».

Утром Бовуар работала в одиночестве, обед делила с Сартром, во второй половине дня оба молча трудились бок о бок в квартире Сартра, а по вечерам вместе отправлялись на политические и общественные мероприятия, ходили в кино или же слушали музыку и пили скотч в квартире Симоны.

Клод Ланцман¹³, бывший любовником Бовуар с 1952 по 1959 г., на собственной шкуре узнал все прелести такого соглашения. Он подробно описывал первый день совместной жизни с Симоной в ее парижской квартире:

«В первое утро я хотел поваляться в постели, но она встала, оделась и направилась к письменному столу. “Ты можешь работать тут”, – указала она мне на кровать, так что я тоже поднялся, пристроился на краешке кровати и принялся курить, притворяясь, будто что-то обдумываю. Больше до обеда она не сказала мне ни слова. На обед она отправлялась к Сартру, иногда брала меня с собой. Во второй половине дня она уходила к Сартру, и они три-четыре часа работали вместе. Потом наступала пора для встреч. Ужинали мы вместе, но потом они с Сартром обычно отсаживались в сторонку, и она разбирала с ним все, что он написал за день. После этого мы возвращались домой и ложились спать. Никаких вечеринок, никаких приемов, ничего мещанского – всего этого мы тщательно избегали. Только насущное, простая, незагроможденная жизнь,

¹³ Французский журналист, кинорежиссер-документалист.

продуманная так, чтобы ничто не мешало Симоне работать».

Томас Вулф (1900–1938)

Прозу Вулфа критиковали за избыточность и подростковую, так что, наверное, неслучайно сам характер его работы буквально напоминал мастурбацию. Однажды вечером, в 1930 г., после напрасных усилий вновь обрести тот лихорадочный задор, с каким была написана первая книга «Взгляни на дом свой, ангел», он решил оставить не желавшую продвигаться работу и лечь в постель. Но когда Вулф разделся и встал голым у гостиничного окна, он обнаружил, что вдруг усталость рассеялась и вновь хочется писать. Вернувшись к столу, он проработал до утра «с удивительной скоростью, легкостью и уверенностью». Вспоминая этот момент, Вулф пытался понять, что же способствовало столь благоприятной перемене, и сообразил, что, стоя у окна, бессознательно принялся ласкать свои гениталии, следуя усвоенной в детстве привычке, которая не была вполне эротической («пенис оставался мягким и невозбужденным», – уточнял он в письме другу), но все же вызвала столь «благое мужское ощущение», что пробуждала творческую энергию. С тех пор Вулф регулярно прибегал к этому способу вдохнуть энергию в свою работу, мечтательно исследуя свои «мужские очертания», покуда «чувственный элемент любой сферы жизни не становился более реальным, непосредственным и прекрасным».

Обычно Вулф садился писать около полуночи, «подкрепляясь немыслимыми количествами чая и кофе», как замечает один биограф. Поскольку он никогда не мог подобрать стол или стул, удобный для человека его роста (без малого два метра), он чаще всего писал стоя, используя вместо письменного стола холодильник. Он работал до рассвета, прерываясь лишь, чтобы выкурить у окна сигарету или побродить по комнате. Закончив, он выпивал и ложился спать часов до 11.00. Поздним утром Вулф приступал ко второму этапу работы, иногда с помощью машинистки, которая являлась и подбирала разбросанные по кухонному полу страницы – результат ночного вдохновения.

Патрисия Хайсмит (1921–1995)

Автор психологических триллеров «Незнакомцы в поезде», «Талантливый мистер Рипли» в реальной жизни была таким же одиноким мизантропом, как многие ее персонажи. Творчество было для нее не удовольствием, но одержимостью, в часы простоя она чувствовала себя несчастной. «Жизнь есть только в работе, то есть только в воображении», – жаловалась она в дневнике. К счастью, вдохновение редко покидало писательницу, она говорила, что идеи настигают ее столь же часто, как крыс – оргазм.

Патрисия творила ежедневно, обычно по три-четыре часа утром; за хороший день успевала набросать 2000 слов. Ее биограф Эндрю Уилсон описал ее метод:

«Чтобы настроиться на работу, она усаживалась в постели, а вокруг – сигареты, спички, пепельница, чашка с кофе, сахарница, тарелки пончиков. Она тщательно избегала каких-либо признаков дисциплины, хотела писать в удобной и расслабленной позе, чуть ли не в позе эмбриона. Она так и говорила, что хотела бы “окружить себя маткой”».

Еще Патрисия перед работой выпивала чего-нибудь покрепче. «Не затем, чтобы взбодриться, – пояснял Уилсон, – а, напротив, чтобы слегка приглушить рвущуюся из нее почти безумную энергию».

Ближе к старости она превратилась в закоренелую пьяницу, которую не всякое спиртное понимало, и возле кровати помимо кофе и пончиков стояла также бутылка водки – Патрисия протягивала к ней руку, едва проснувшись, и ставила на бутылке пометку, чтобы не превысить дневную дозу. Большую часть жизни она дымила как паровоз, по пачке Gauloises в день. Зато к еде была равнодушна. Кто-то из знакомых отметил: «Она ела только американский бекон, глазунью и хлопья в любое время дня».

С людьми она чувствовала себя неловко, но у нее складывались дивные отношения с животными, в первую очередь с кошками, хотя она держала дома также и улиток. Ей захотелось приобрести их в качестве питомцев, когда на рыбном рынке она увидела пару улиток, переплетшихся как бы в объятии. Позднее она говорила радиокорреспонденту, что «они внушают удивительное спокойствие». В итоге у нее в саду в Саффолке (Англия) развелось три сотни улиток, и как-то раз Патрисия отправилась в Лондон, прихватив с собой большую сумку латука и усадив туда сотню улиток – пригласила их на ужин. Когда Патрисия надумала переехать из Англии во Францию, выяснилось, что французские законы запрещают ввоз в страну улиток, и она переправляла своих питомцев контрабандой, постоянно возвращаясь за ними в Саффолк и перевоза в бюстгальтере по дюжине за раз.

Федерико Феллини (1920–1993)

Итальянский режиссер утверждал, будто не может спать больше трех часов подряд. В интервью 1977 г. он так описывал свое утро:

«Я встаю в шесть часов утра, брожу по дому, открываю окна, выдвигаю ящики, переставляю книги с места на место. Годами я пытаюсь сварить себе чашку приличного кофе, но у меня к этому явно нет таланта. Как можно раньше я норовлю спуститься вниз, выйти наружу. К семи я уже на телефоне, мне хватает ума сообразить, кому можно звонить в это время, не рискуя разбудить. Некоторым я даже услугу оказываю вместо будильника: эти люди привыкли и полагаются на меня в том, что примерно в семь я подниму их звонком».

В молодости Феллини работал в газете, однако вскоре почувствовал, что его темперамент больше подходит кинорежиссеру – ему нравился сам процесс съемок, шум, общение, тусовка.

«Писатель все делает сам, и ему нужна дисциплина, – рассуждал Феллини. – Он встает в семь утра, сидит наедине с белым листом бумаги. Я же – vitellone [шалопаи], мне это не по душе, и я нашел наилучшее средство самовыражения. Съемки – идеальное сочетание работы и коллективной жизни».

Ингмар Бергман (1918–2007)

14

«Знаете, что такое – снимать кино? – вопрошал Бергман в интервью 1964 г. – Восемь часов напряженной каждодневной работы, чтобы получить три минуты на экране. И за эти восемь часов выдадутся десять, двенадцать, если вам очень повезет, минут чистого творчества. А может быть, и того не будет. Придется собраться с духом и работать еще восемь часов и молиться, чтобы на этот раз все-таки заполучить свои счастливые десять минут».

Однако Бергман «снимал кино» не только на съемочной площадке, сначала он писал сценарии, уединяясь в своем доме на далеком острове Фаро¹⁵. Там он из десятилетия в десятилетие соблюдал один и тот же режим: вставал в 8.00, писал с 9.00 до 12.00, затем ел – опять-таки без роскошеств.

«Он всегда ел одно и то же на завтрак, – вспоминала актриса Биби Андерсон. – Ничего не менялось. Взбитые сливки, ужасно жирные, клубничное варенье, очень сладкое – какая-то детская еда, и еще кукурузные хлопья вдобавок».

После завтрака Бергман работал с 13.00 до 15.00, а потом ровно час дремал. Во второй половине дня он выходил на

¹⁴ Шведский кино- и театральный режиссер, писатель, сценарист.

¹⁵ Швеция, провинция Готланд.

прогулку или ездил на пароме на соседний остров за почтой и газетами. Вечером Бергман читал, общался с друзьями, смотрел какой-нибудь фильм из своей обширной коллекции или же включал телевизор (он обожал сериал «Даллас»).

«Я никогда не прибегал к наркотикам или алкоголю, – вспоминал Бергман. – Максимум, что я себе позволяю, – стакан вина, и этого мне вполне довольно для счастья».

Ему также была «совершенно необходима» музыка, причем самая разнообразная, от Баха до Rolling Stones. С годами он потерял сон, спал не более четырех-пяти часов за ночь, и ему стало труднее работать режиссером. Однако даже после того, как в 1982 г. принял решение уйти из большого кинематографа, он продолжал снимать телефильмы, ставить пьесы и оперы, а также писать пьесы, повести и мемуары.

«Я всю жизнь работал, – говорил Бергман, – а работа – словно поток, разливающийся по пейзажу твоей души. Она спасительна, ибо многое уносит с собой, очищает. Если б я не работал постоянно, я бы сошел с ума».

Мортон Фельдман (1926–1987)

16

В 1971 г. французский журналист посетил Фельдмана в маленькой деревушке в часе езды от Парижа. Американский композитор уединился там на месяц, чтобы поработать.

«Я живу здесь отшельником, – сказал ему Фельдман. – Встаю в шесть утра, сочиняю до одиннадцати, и на этом рабочий день заканчивается. Выхожу, гуляю, гуляю часами без усталости. Макс Эрнст¹⁷ живет неподалеку. Кейдж¹⁸ тоже навещает. От всякой прочей деятельности я отрезан. Как на меня это влияет? Прекрасно влияет... Но я не привык иметь столько времени, столько досуга. Обычно я творю посреди шума, множества дел. Знаете, я ведь всегда занимался чем-то еще кроме музыки. У родителей имелся бизнес, и я разделял их тревоги, их жизнь...

Потом я женился, жена была увлечена работой, уходила на весь день. Я вставал в шесть утра, отправлялся за покупками, готовил, убирался, работал как сумасшедший, а вечером приходили друзья (у меня было огромное количество друзей, я толком и не

¹⁶ Американский композитор, приверженец абстрактного экспрессионизма в музыке.

¹⁷ Немецкий художник-авангардист.

¹⁸ Американский композитор.

понимал откуда). Так прошел год – и ни единой ноты!»

Чтобы выделить время для сочинения музыки, пришлось прибегнуть к стратегии Джона Кейджа. «То был лучший совет, какой я когда-либо в жизни получал, – рассказывал Фельдман, выступая перед аудиторией в 1984 г. – Кейдж говорил, что имеет смысл, поработав какое-то время, остановиться и просто переписать уже написанное. Потому что пока ты переписываешь, ты продолжаешь думать и в голову приходят новые идеи. Так я теперь и работаю. И это замечательно, это просто чудо – связь творчества и переписывания».

Важную роль играют и внешние обстоятельства – «правильная» ручка, удобное кресло. В статье 1965 г. Фельдман писал: «Иногда я хлопочу только о том, чтобы обеспечить себе все те жизненные условия, в которых я смогу работать. Годами я твержу: дайте мне удобное кресло, и я посрамлю Моцарта».

Вольфганг Амадей Моцарт (1756–1791)

В 1781 г., тщетно проискав несколько лет места при дворе какого-нибудь европейского владыки, Моцарт принял решение поселиться в Вене в качестве свободного музыканта и композитора. Для человека с талантами и репутацией Моцарта в столице открывалось множество возможностей, но ради заработка приходилось крутиться непрерывно, разрываясь между уроками игры на пианино, концертами и визитами к богатым покровителям. К тому же Моцарт ухаживал (под неодобрительным взором будущей тещи) за своей невестой Констанцией Вебер, и в итоге для новых сочинений у него оставалось едва ли три часа в день. В 1782 г. он подробно описал в послании сестре эти лихорадочные венские дни:

«К шести утра я уже причесан, а к семи – полностью одет. Я сочиняю музыку до девяти, с 9.00 до 13.00 даю уроки. Затем я обедаю, если только не получаю приглашения в дом, где обедать принято в два или даже в три часа дня, как, например, сегодня и завтра – у графини Зичи и у графини Тун. До пяти или шести часов вечера у меня нет возможности приняться за работу, да и тогда зачастую надо идти на концерт; если же я свободен от концерта, то сочиняю до девяти. После этого я отправляюсь к

моей любезной Констанции, хотя радость свидания почти всегда отравляет ее мать своими жестокими замечаниями... В половину одиннадцатого или в одиннадцать я возвращаюсь домой – раньше или позже, зависит от количества стрел, выпущенных ее матерью, и от моей способности выстоять. Поскольку я не могу рассчитывать на возможность поработать вечером, ибо концерты отнимают время, а также меня могут в любой момент вызвать туда или сюда, я завел обычай (в особенности, когда возвращаюсь домой не слишком поздно) сочинять еще немного перед отходом ко сну. Итак, я пишу до часу, а в шесть часов уже снова на ногах».

«При таком количестве дел, я порой уже не знаю, стою ли я на ногах, или на голове», – писал Моцарт отцу и, в общем-то, не преувеличивал. Несколько лет спустя, явившись навестить сына, Леопольд Моцарт убедился в том, что жизнь «свободного художника» и впрямь нелегка. Он написал домой: «Я не в силах передать эту суету и беготню».

Людвиг ван Бетховен (1770–1827)

Бетховен вставал на рассвете и, не теряя времени, усаживался за работу. Завтракал он чашкой кофе, которую сам готовил с великим тщанием (ровно 60 бобов на чашку – он отсчитывал их поштучно, чтобы гарантировать правильную дозу). Композитор садился за рабочий стол и писал до двух или трех часов, изредка прерываясь и выходя прогуляться, что укрепляло в нем творческий дух. Вероятно, именно по этой причине в теплое время года он успевал сделать значительно больше.

Пообедав, Бетховен отправлялся на длинную, энергичную прогулку, занимавшую почти весь остаток дня. Он клал в карман несколько листов нотной бумаги и карандаш, чтобы записывать пришедшие ему в голову музыкальные идеи. Под конец дня он заходил в трактир и читал там газеты. Вечера он проводил с друзьями или в театре, зимой предпочитал оставаться дома в одиночестве и читать. Ужинал он без особых затей – тарелкой супа и остатками обеда. Он любил есть неторопливо; ужин увенчивался кружкой пива и трубкой. По вечерам Бетховен редко занимался музыкой, и спать он ложился рано, самое позднее – в 21.00.

Особо стоит отметить необычные омовения, к коим Бетховен питал склонность. Его ученик и секретарь Антон Шиндлер описывает эту привычку композитора в книге

«Бетховен каким я его знал»:

«Вода была главной отрадой и насущной потребностью его жизни. В этом отношении он был человеком скорее восточным, чем западным: по его мнению, Мухаммед предписал минимально необходимое человеку число омовений. Если во время утренней работы Бетховен не был одет для выхода, в своем домашнем платье он подходил к раковине и обильно поливал воду себе на руки, распевая при этом во весь голос гамму или же громко что-то мурлыча, после чего принимался бродить по комнате, тараща и выкатывая глаза, что-то записывал, а потом вновь принимался обильно лить воду и громко распевать. То были моменты глубочайшей сосредоточенности, и никому не следовало бы чинить ему в этом препятствия, однако же, как ни прискорбно, возникало два затруднения: во-первых, слуги не могли сдерживать смех, отчего хозяин впадал в ярость и поносил их с таким неистовством, что еще более выставлял себя на посмешище. Во-вторых, он наживал неприятности с хозяином дома, ибо зачастую проливал столь много воды, что она сочилась сквозь пол на нижний этаж. Именно по этой причине Бетховен не пользовался популярностью в качестве жильца; пол в его комнате приходилось бетонировать, дабы вода не протекала ниже, а сам он даже не замечал лужу – этот источник вдохновения – у себя под ногами!»

Серен Кьеркегор (1813–1855)

19

День датского философа был в основном посвящен двум видам деятельности: творчеству и прогулкам. Писал он, как правило, по утрам, в полдень отправлялся на затяжную прогулку по Копенгагену, а затем на весь остаток дня вновь усаживался за работу. Именно во время прогулок его осеняли наиболее оригинальные идеи, и порой он так спешил набросать их на бумагу, что, едва переступив порог, бежал к конторке и писал стоя, не снимая шляпы и сжимая в левой руке трость или зонтик.

Энергию Кьеркегор поддерживал в себе кофе, который он потреблял после обеда, а также стаканчиком хереса. Израэль Левин, служивший у него секретарем с 1844 по 1850 г., вспоминает, что у Кьеркегора имелось на хозяйстве «по меньшей мере 50 чашек с блюдами, но каждая пара была уникальна», и всякий раз перед тем, как выпить кофе, Левин должен был выбрать чашку и блюдо и каким-то образом аргументировать свой выбор. На этом странности данного ритуала не исчерпывались. Биограф Йоахим Гарфф пишет:

«Кьеркегор разработал свой собственный, весьма своеобразный способ пить кофе. Он радостно хватал

¹⁹ Один из основателей философии экзистенциализма.

пакетик сахара и принимался сыпать белый порошок в чашку, пока не насыплет гору, выше краев чашки. Затем струя черного, немыслимо крепкого кофе медленно растворяла эту белую пирамиду, и не успевал процесс закончиться, как стимулирующий сироп уже исчезал в желудке учителя, смешиваясь с хересом и поставляя необходимую энергию его кипящему и бурлящему мозгу. Этот мозг целый день работал с такой продуктивностью, что даже в сумерках можно было отчетливо видеть, как дергаются и дрожат усталые пальцы, сомкнувшись на изящной ручке чашки».

Вольтер (1694–1778)

Французский философ и писатель эпохи Просвещения предпочитал работать в постели, особенно в свои поздние годы. Как рассказал один из знакомых Вольтера, частенько навещавший его в 1774 г., утро мыслитель проводил в постели, читая и диктуя новую книгу одному из секретарей. В полдень поднимался и одевался. Затем принимал посетителей или, если никто не пришел, продолжал работать, подкрепляясь кофе и шоколадом (он не обедал). Между 14.00 и 16.00 Вольтер вместе с главным секретарем Жаном-Луи Ваньером объезжал в карете поместье. Затем он вновь работал до восьми вечера, а потом выходил к ужину в компании вдовствующей племянницы (и своей многолетней любовницы) мадам Дени и других домочадцев. На этом рабочий день не заканчивался: после ужина Вольтер возобновлял диктовку и продолжал ее порой до глубокой ночи. Согласно подсчетам Ваньера, они работали в среднем по 18–20 часов в сутки. Вольтера такой расклад вполне устраивал. «Обожаю жить в клетке», – писал он.

Бенджамин Франклин (1706–1790)

Знаменитый «план Франклина», который великий просветитель включил в свою «Автобиографию», предусматривал достижение морального совершенства за 13 недель. Каждая неделя посвящалась одной конкретной добродетели – умеренности, опрятности, терпению и так далее, а все отступления от добродетели фиксировались в календаре. Франклин был уверен: если он сумеет на протяжении недели хранить верность избранному качеству, это войдет в привычку и можно будет перейти к следующей добродетели, причем каждый раз он будет допускать все меньше отступлений от идеала. Проступки отмечались черными точками в календаре, пока преобразование не завершалось, после чего, думал Франклин, ему потребуется лишь периодический «осмотр и ремонт» укоренившейся морали.

План удалось в какой-то мере осуществить. Сначала он повторил этот цикл несколько раз подряд, затем назначал себе один курс ежегодно, а там и раз в несколько лет. Но добродетель Порядка – «Пусть все вещи лежат на своих местах и каждому делу отводится свое время» – так и ускользнула от него. У Франклина отсутствовала природная склонность хранить бумаги и прочее имущество в строгом порядке, а усилия по поддержанию порядка давались ему с таким трудом, что он чуть было не бросил дело. К тому же его бизнес,

типография, постоянно требовал внимания, и Франклин не всегда мог следовать намеченному им жесткому расписанию. Идеальный распорядок дня, также внесенный в маленький «дневник добродетели», выглядел следующим образом:

ПЛАН

Часы

Утро <i>Вопрос:</i> Что хорошего сделаю сегодня?	{	5 6 7	}	Подняться, умыться и обратиться к <i>Всемогущему Господу!</i> Определить дела и принять решения на день. Продолжить текущие исследования. Завтрак
	{	8 9 10 11	}	Работа
Полдень	{	12 1	}	Читать или просматривать отчеты. Обед
Вторая половина дня	{	2 3 4 5	}	Работа
Вечер <i>Вопрос:</i> Что хорошего сделал сегодня?	{	6 7 8 9	}	Положить все вещи на свои места. Музыка или развлечения. Или беседа. Подвести итоги дня
Ночь	{	10 11 12 1 2 3 4	}	Сон

РАСПИСАНИЕ ДНЯ БЕНДЖАМИНА ФРАНКЛИНА (ИЗ ЕГО «АВТОБИОГРАФИИ»)

Это расписание было составлено прежде, чем Франклин добавил к ежедневной рутине любимую привычку своих более поздних лет – воздушные ванны. В ту пору для бодрости рекомендовалось принимать холодные ванны, однако Франклин счел, что холодная вода приводит к ненужному сотрясению организма. Он писал другу:

«Я обнаружил, что моему организму куда более полезен другой элемент, а именно холодный воздух. С этой целью я встаю рано утром, усаживаюсь у себя в комнате совершенно обнаженным и провожу так полчаса или час, в зависимости от сезона, за чтением или работой. Упражнение это отнюдь не болезненно, скорее приятно, и если после этого я возвращаюсь в постель до того, как окончательно одеться, то мне удается дополнить ночной сон еще часом или двумя самой приятной, какую только можно вообразить, дремоты».

Энтони Тrollop (1815–1882)

Неизменная привычка садиться за письменный стол спозаранку сделала Тrolloпа автором 47 романов²⁰ и 16 других книг. В «Автобиографии» Тrollop описывает свой рабочий день, каким он был в Уолтем-Кроссе (Англия) на протяжении 12 прожитых там лет. Большую часть этого времени он служил по почтовому ведомству – поступив на службу в 1834 г., а в отставку вышел лишь 33 годами позднее, уже опубликовав более двух десятков книг.

«У меня было заведено каждое утро усаживаться за стол в 5.30. Старый слуга, которому было поручено меня будить и приплачивалось пять фунтов в год за такую службу, не знал пощады. За все годы в Уолтем-Кроссе он ни разу не запоздал с чашкой кофе, которую должен был приносить мне спозаранку. Полагаю, ему, более чем кому-либо другому, я обязан своим нынешним успехом. Начиная столь рано, я успевал завершить свой литературный труд до того момента, когда наступала пора одеваться к завтраку. Думается, все, кто знаком с литературной работой, кто занимался этим ремеслом ежедневно, согласятся со мной в том, что за три часа в день возможно произвести все, что нужно. Однако надо тренировать себя таким образом,

²⁰ Самые известные произведения – романы из цикла «Барсетширские хроники», действие которых происходит в вымышленном графстве Барсетшир.

чтобы эти три часа работать непрерывно, воспитать свой ум так, чтобы не оставалось потребности сидеть праздно, грызя свое перо и тараща на стену перед собой, покуда придут слова, годные для выражения очередной идеи. В то время я выработал привычку и сохраняю ее по сию пору, хотя в последнее время сделался несколько снисходительнее к самому себе: я требовал с себя по 250 слов в каждые четверть часа и, работая, клал перед собой часы. Я убедился, что 250 слов ложатся на бумагу столь же неукоснительно, как идут мои часы. Однако эти три часа не были целиком посвящены писанию. Я начинал работу с того, что перечитывал сделанное накануне, – это отнимало полчаса, покуда я взвешивал и пробовал на слух звучание слов и фраз... Такое распределение времени позволяло мне производить по десять страниц романа обычного формата в день, и, если не нарушать режим, таким образом можно было получить за год три романа – каждый из трех томов, то есть именно то количество, что так сильно удручило издателя с Патерностер-Роу²¹

²¹ Улица в Лондоне, куда после пожара 1666 г. перенесли свой бизнес книготорговцы. Разрушена немецкими бомбардировщиками в 1940 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.